

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 4. С. 1210–1251

Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 6, no. 4 (2022): 1210–51

Научная статья

УДК 94 (470.342)

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-4-3>

Особенности эвакуации заключенных в начальный период Великой Отечественной войны

Марина Николаевна Потемкина ✉

Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск, Россия,

Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия,

mpotemkina@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0001-7056-1258>

Marina N. Potemkina ✉

Nosov Magnitogorsk State Technical University,
Magnitogorsk, Russia,

Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
Moscow, Russia,

mpotemkina@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0001-7056-1258>

Илья Олегович Колдомасов

Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск, Россия,

koldomasov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1663-2403>

Ilya O. Koldomasov

Nosov Magnitogorsk State Technical University,
Magnitogorsk, Russia,

koldomasov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1663-2403>

© Потемкина М.Н., Колдомасов И.О., 2022

© Potemkina M., Koldomasov I., 2022

Аннотация. Изучение вопроса об эвакуации в годы Великой Отечественной войны лиц, относящихся к спецконтингенту, долгое время было невозможно по причине отсутствия доступа к документам НКВД. Ситуация изменилась в постсоветский период после рассекречивания документации ГУЛАГа, когда ученые получили возможность тщательной проработки проблемы перемещения спецконтингента в общем процессе эвакуации. Рассмотрение данной темы в разрезе социальной и микроистории позволяет сместить фокус внимания с экономического измерения эвакуационных процессов на мотивы и поведение людей в экстремальных условиях вынужденного перемещения. Примеры, приведенные авторами, подтверждают положение о том, что эвакуация изначально не была четко организованным и выверенным процессом, ее планы менялись в ходе войны. Очевидно, что перемещение заключенных не было приоритетной задачей советского правительства, однако оно не могло позволить себе и расточительной халатности, пренебрегая потенциальными трудовыми возможностями колоссального количества заключенных. Одной из серьезных проблем являлось значительное количество тюрем и исправительно-трудовых лагерей на территории европейской части СССР, которая подверглась оккупации в первые месяцы войны. Результативность эвакуации в большей степени зависела от действий местного руководства пенитенциарных учреждений и НКВД, чем от директив центральной власти. К особенностям эвакуации заключенных авторы относят ограничение свободы и нахождение под конвоем в момент перевозки, что приводило к значительным потерям, например, при бомбардировках вражеской авиации, а также стихийную организацию питания и оказания медицинской помощи, отсутствие у заключенных перспектив на изменение социального статуса и положения на месте новой дислокации. Для сокращения количества эвакуируемого спецконтингента власти в начале войны пошли на освобождение осужденных за незначительные преступления (как правило, на срок до 1 года). В ходе эвакуации охрана применяла крайние меры по отношению к конвоируемым, вплоть до расстрела, чаще всего в ситуациях, когда дальнейшее перемещение было затруднено. Определение точного количества заключенных, погибших во время эвакуации, остается открытым вопросом.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация, заключенные, спецконтингент, исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ), колонии, органы НКВД, исправительно-трудовая система

Для цитирования: Потемкина М.Н., Колдомасов И.О. Особенности эвакуации заключенных в начальный период Великой Отечественной войны // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 4. С. 1210–1251. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-4-3>

Features of evacuation of prisoners in the initial period of the Great Patriotic War

Abstract. The issue of the evacuation of persons belonging to the special contingent during the Great Patriotic War was unavailable for a long time due to the inability to access the NKVD documents. The situation changed in the post-Soviet period after the declassification of the Gulag documentation, when scientists were able to thoroughly study the problem of moving prisoners in the general evacuation process. Consideration of this topic in the context of social and micro-history allows us to shift the focus from the economic dimension of evacuation processes to the motives and behavior of people in the extreme conditions of forced relocation. The examples cited

by the authors confirm the thesis that evacuation was not a well-organized and well-regulated process and the plans for it changed during the war. Obviously, relocation of prisoners was not a priority task of the Soviet government, but it could not afford wasteful negligence of the potential labor opportunities that a colossal number of prisoners could offer. One of the serious problems was a significant number of prisons and corrective labor camps in the European part of the USSR's territory that was occupied by the enemy in the first months of the war. The effectiveness of evacuation was more dependent on the actions of the local leadership of penitentiary institutions and the NKVD than on the directives of the central government. Specific features of evacuation of prisoners include restriction of freedom and being under escort at the time of transportation, which led to significant losses, for example, during the enemy air raids, as well as spontaneous character of providing food and medical care and lack of prospects for prisoners to change their social status and position at the place of their new location. To reduce the number of evacuated prisoners, at the beginning of the war the authorities went to the length of releasing those prisoners who were convicted of minor crimes (usually sentenced to 1 year or less). During the evacuation, the guards used extreme measures against the escorted prisoners, up to execution, most often in situations when further movement was difficult. Determining the exact number of prisoners who died during evacuation remains an open question.

Keywords: Great Patriotic War, evacuation, prisoners, special contingent, corrective labor camps (ITL), colonies, NKVD bodies, corrective labor system

For citation: Potemkina, M.N., and I.O. Koldomasov. "Features of evacuation of prisoners in the initial period of the Great Patriotic War." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 6, no. 4 (2022): 1210–51, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-4-3>

Введение

Проблемы эвакуации заключенных в годы Великой Отечественной войны относительно недавно стали объектом исследования ученых, поскольку длительное время многие архивные документы хранились под грифом «секретно», а часть их была утрачена в ходе военных действий.

Советские историки в целом стремились показать положительные результаты процесса эвакуации, делая акцент на быстром перемещении и вводе в эксплуатацию предприятий тяжелой промышленности и их вкладе в Победу. Современные российские исследователи изучают данный вопрос более разносторонне. Довольно обширный материал по количественному составу заключенных и статистике эвакуации спецконтингента был представлен В.Н. Земсковым¹. Д.В. Суржик в своей статье дает анализ эвакуации спецконтингента в первые годы Великой Отечественной войны, ссылаясь на статистические данные по заключенным исправительно-трудовых лагерей в период с 1941 по 1942 гг.² В.В. Луканин исследует порядок и масштабы эвакуации заключенных, выявляя проблемы, с которыми

¹ Земсков В.Н. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 151–165.

² Суржик Д.В. Роль ГУЛАГА в годы Великой Отечественной войны: к истории одного стереотипа // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2016. № 6. С. 33–39.

столкнулось руководство пенитенциарного ведомства в процессе эвакуации³. Данные о численности эвакуированного спецконтингента ГУЛАГа в период Великой Отечественной войны приводит А.Л. Кузьминых⁴.

На современном этапе появляются исследования, в которых изучается влияние эвакуации заключенных как на экономику страны в целом, так и отдельных регионов в частности. Ведущим специалистом в России по данной проблематике является Г.М. Иванова⁵. Примером работ, посвященных данной теме на региональном уровне, является исследование В.В. Куанышевой, в котором автор акцентирует внимание на использовании труда заключенных, эвакуированных в Куйбышевский ИТЛ и использовавшихся на строительстве стратегически важных объектов резервного базирования авиации СССР⁶. Исследователь Н.Ю. Белых в своей статье подробно рассматривает влияние труда заключенных на экономику Кировской области в годы Великой Отечественной войны⁷.

Современные исследователи обращаются к проблемам психологии и повседневной жизни спецконтингента в период Великой Отечественной войны. Достаточно подробно данную тему раскрывает А.Г. Биесов, используя как основу интервью и воспоминания людей, прошедших через ИТЛ в годы войны⁸. М.Г. Суслов описывает влияние процесса эвакуации на сознание заключенных, их настроения⁹.

Проблема эвакуации заключенных рассматривалась и украинскими историками, которые преимущественно делали акцент на репрессивно-карательных действиях НКВД. Однако работы Е.К. Бабича и И.Г. Биласа

³ Луканин В.В. Особенности эвакуации тюрем в годы Великой Отечественной войны // *Аграрное и земельное право*. 2021. № 12 (204). С. 146–148.

⁴ Кузьминых А.Л. Война и ГУЛАГ // *История в подробностях*. 2010. № 1. С. 65–79.

⁵ Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. Москва: Наука, 2006.

⁶ Куанышева В.В. Строительство аэродромов НКВД в Куйбышевской области накануне и в годы Великой Отечественной войны // *Евразийский юридический журнал*. 2017. № 4 (107). С. 120–122.

⁷ Белых Н.Ю. ГУЛАГ как система подневольного труда (на материалах Вятского ИТЛ НКВД-МВД СССР, 1938–1953 гг.) // *Вестник Вятского государственного университета*. 2010. № 3 (1). С. 46–51.

⁸ Биесов А.Г. Фундаментальные ценности в структуре менталитета узников ГУЛАГА // *Альманах современной науки и образования*. 2016. № 4 (106). С. 18–20.

⁹ Суслов М.Г. Патриотизм за колючей проволокой или как ученые относились к проблемам государства в условиях Великой Отечественной войны // *Успехи современной науки*. 2016. Т. 9, № 12. С. 175–178.

содержат подробное описание первых дней эвакуации спецконтингента, что имеет несомненную научную ценность¹⁰.

Зарубежная историография представлена фундаментальными исследованиями по истории репрессивно-карательной системы, в которых эвакуационные процессы в годы Великой Отечественной войны упоминаются фрагментарно. Например, в «Черной книге коммунизма»¹¹ авторы уделили внимание эвакуации июня 1941 г., представив ее как очередное преступление «сталинского режима». Д. Стоун провел аналогию между эвакуацией спецконтингента в июне 1941 г. и вывозом граждан Польши в район Катыни в начале Второй мировой войны¹².

В целом, следует отметить, что тема эвакуации заключенных продолжает оставаться малоизученной и дискуссионной. В отечественных публикациях акцентируется внимание на количественных показателях эвакуации, логистических процессах этапирования заключенных и адаптационных практиках спецконтингента в новых местах расположения. Для зарубежных авторов в основном характерны негативные оценки эвакуации с акцентом на большом количестве жертв среди спецконтингента и неправомерных действиях сотрудников НКВД.

Целью данного исследования является изучение особенностей процесса эвакуации заключенных в начальный период Великой Отечественной войны. Источниковую базу статьи составили нормативно-правовые документы и делопроизводственная документация, воспоминания и мемуары бывших заключенных. Последний вид источников обладает высокой степенью субъективности, что ведет к необходимости учитывать индивидуальное отношение авторов к действительности. В данном случае их ценность определяется отсутствием других источников, которые бы позволили воссоздать механизм и психологический фон процесса эвакуации заключенных в исследуемый период. При использовании документальных источников также необходима верификация, поскольку некоторые из них «не отражали реальную картину событий», а носили характер «парадных донесений»¹³ (например, «Доклад о работе Главного управления исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД СССР за годы

¹⁰ Бабич С.К., Патока В.В. Репресії в Україні (1917–1990 рр.): науково-допоміжний бібліографічний покажчик. Київ: Смолоскип, 2007; Білас І.Г. Репресивно-каральна система в Україні. 1917–1953: у 2 кн. Київ: Либідь-Військо України, 1994.

¹¹ Куртуа С. и др. Черная книга коммунизма. Преступления. Террор. Репрессии / перевод с французского Е.Л. Храмова и др. Москва: Три века истории, 2001.

¹² The Historiography of the holocaust / edited by D. Stone. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2004.

¹³ Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918–1958. С. 26.

Отечественной войны» от 17 августа 1944 г. наркому Л.П. Берии от начальника ГУЛАГа В.Г. Наседкина).

Теоретико-методологической основой исследования является синтез социальной истории и микроистории. Инструментарий социальной истории позволил детально исследовать взаимосвязи и поведение людей в закрытых социальных группах. В то же время, опираясь на принципы М. Вебера и представителей школы «Анналов», возможно рассмотреть микроуровни в социальной истории, то есть исследовать воспоминания непосредственных участников событий для понимания мотивов поведения людей с целью максимально возможной реконструкции событий.

Следует отдельно остановиться на вопросах терминологии. На наш взгляд, термин «эвакуация населения» применим к гражданским лицам, перемещение которых связано с необходимостью обеспечения личной или государственной безопасности из регионов возможной оккупации врагом или пораженных стихийным бедствием, а также охваченных социальными либо национальными конфликтами. Применительно к Великой Отечественной войне нормативно определенные рамки категории «эвакуированные» включали не всех людей, прибывших из прифронтовой полосы в советский тыл. В связи с этим, вывоз заключенных из находящихся под угрозой районов можно отнести к эвакуации лишь с оговорками, поскольку, находясь в тылу, они не имели официального статуса эвакуированных и их положение было особым. Только немногие лица, имевшие статус «находящихся под следствием», переправлялись в тыл для доследования их дел и в случае оправдания могли попасть в категорию эвакуантов.

Основная часть

Осознание необходимости проведения масштабной эвакуации пришло к руководству страны в первые дни войны. 24 июня 1941 г. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О создании Совета по эвакуации» «для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей» был создан Совет по эвакуации¹⁴. В качестве основных задач были обозначены: вывоз промышленного оборудования, материальных и культурных ценностей, населения. В отношении эвакуации материальных ценностей директива СНК СССР ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. № П509 «Партийным и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил и средств на

¹⁴ Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О создании Совета по эвакуации». 24 июня 1941 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 166. Д. 659. Л. 67.

разгром фашистских захватчиков» призывала не оставлять противнику «ни килограмма хлеба, ни литра горючего». Что касается тотальной эвакуации десятков миллионов человек мирного населения, то все понимали, что она была практически неосуществима. Категория заключенных (и подследственных) в данном контексте рассматривалась как специфическая социальная группа, на которую распространялся принцип «не оставлять врагу». Большинство исследователей, анализируя такую позицию власти, указывают на интересы государственной безопасности, поскольку заключенные «при попадании к врагу ... могли пополнить его ряды и продолжать преступную деятельность с особой жестокостью»¹⁵. На наш взгляд, необходимо акцентировать внимание еще на одной цели эвакуации спецконтингента: в условиях затяжной войны заключенные являлись значимым трудовым ресурсом для экономики тыловых регионов.

Заключенные внесли значительный вклад в экономику страны в годы войны. Достаточно сказать, что на долю Наркомата внутренних дел за этот период приходилось почти 15 % объема капитальных работ в народном хозяйстве страны. По сравнению с довоенным периодом уменьшилась доля участия наркомата в железнодорожном, шоссейном и гидротехническом строительстве, но произошло ее увеличение в строительстве предприятий черной и цветной металлургии, топливной промышленности¹⁶.

При этом ни в одном официальном документе военного периода такая цель, как спасение человеческих жизней (декларировавшаяся как одна из основных в ходе эвакуации гражданского населения) применительно к категории заключенных не фигурировала. Выскажем авторское мнение о том, что среди находящихся в тюрьмах были и подследственные, чья вина пока не была определена и доказана, но их в большинстве случаев автоматически приравнивали к заключенным, чья жизнь воспринималась государством только как трудовой ресурс.

Общее количество заключенных в Советском Союзе на 1 января 1941 г. составляло 2 400 422 чел., из них в лагерях содержалось 1 500 524 чел., в колониях – 429 205 чел., в тюрьмах – 470 693 чел.¹⁷ С позиции географического размещения пенитенциарных учреждений по состоянию на 1 июня 1941 г. на западных территориях СССР, а именно в Прибалтике, Молдавии, Украине, Белоруссии, имелось 492 учреждения, включавших в

¹⁵ Луканин В.В. Особенности эвакуации тюрем в годы Великой Отечественной войны. С. 146.

¹⁶ Христофоров В.С. Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. Москва: Издательство Главного архивного управления г. Москвы, 2011. С. 367.

¹⁷ Земсков В.Н. Демография заключенных, спецпоселенцев и ссыльных (30-е – 50-е годы) // Мир России. 1999. Т. 8, № 4. С.115.

себя тюрьмы, исправительно-трудовые лагеря и СИЗО, подведомственные системе ГУЛАГа, в которых содержалось 438 918 чел. На территории европейской части РСФСР размещалось 257 учреждений совокупной наполняемостью до 258 000 чел.¹⁸ Главной особенностью территориального размещения была переполненность и загруженность тюрем и исправительно-трудовых лагерей на европейской части СССР, особенно на территориях УССР и БССР.

Интересно проследить за реакцией заключенных на известие о начале войны и последующие действия властей. Заключенных и подследственных, содержащихся в тюрьмах, о начавшейся войне не информировали. Сохранились воспоминания, где заключенные с тревогой отмечали, что «перестали давать газеты, снизили хлебный паек. Орел подвергся бомбардировке, но мы подумали, что это военные учения»¹⁹.

В исправительных лагерях ситуация складывалась по-другому: поскольку заключенные могли перемещаться по территории лагеря и даже выходить за его пределы для выполнения каких-то работ, то к ним информация о нападении Германии просочилась в первый же день. Так, к примеру, Печенюк Тимофей Андреевич, на начало войны отбывавший наказание по ст. 58 УК СССР в лагпункте п. Ново-Борисов (Минская обл.) и работавший в составе строительной колонны на обустройстве автомагистрали Москва – Минск, так вспоминал о первом дне войны:

О войне узнал в тот же день от прораба. Заключенные по обычному распорядку утром вышли на работу. Радио было установлено на стройплощадке, в 10 часов утра по московскому времени передали речь Молотова... Как услышали речь Молотова, сразу подняли шум: бросай работу, все пропадем и прекратили работать, собираются группами что-то толкуют между собой.

Сам Печенюк (по его словам) с прорабом пошел по бригадам уговаривать продолжать работу, в качестве главного аргумента выдвигая продовольственное снабжение: если будут работать, то бухгалтерия закроет наряды, а значит, будет паек.

¹⁸ Земсков В.Н. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект). С. 248.

¹⁹ Гурский К.П. По дорогам ГУЛАГа: воспоминания // Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал» (далее – Мемориал) (внесено Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, ликвидировано решением ВС РФ). Архив истории ГУЛАГа. Ф. 2. Оп. 3. Д. 18. Л. 120.

Кое-как уговорили, вроде работают, а в основном смотрят на магистраль, по которой идут войска на Запад и техника. Появились вражеские самолеты над Ново-Борисовом. По ним стали стрелять из земли наши зенитки, один са(мо)лет сбили, он не разбился, а приземлился в трехстах метрах от нашей зоны, в этот день нас уже на работу не выводили²⁰.

В рассказах других заключенных, находившихся на территориях приграничных западных округов СССР, встречаются также воспоминания о воздушных бомбардировках в первые дни войны.

Что касается самого процесса эвакуации спецконтингента, то разработанного плана организованного перемещения людей, несмотря на его кажущуюся необходимость, не существовало. Одновременно с известием о начале войны руководителям всех исправительно-трудовых лагерей и отделов исправительно-трудовых колоний 22 июня 1941 г. была направлена секретная совместная директива наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии и прокурора СССР В.М. Бочкова № 221 о проведении ряда неотложных мероприятий в связи с началом войны. Общий смысл директивы заключался не только в переводе охраны и работников лагерей, тюрем и колоний на военное положение, но и в серьезном ужесточении существовавшего режима содержания заключенных в местах лишения свободы²¹.

С первых дней войны руководством ГУЛАГа разрабатывались планы эвакуации заключенных, предусматривался вывоз людей, материальных ценностей и демонтируемого оборудования. При этом изначально возникло противоречие между наличием ресурсов, которые могли бы обеспечить перемещение всех заключенных с находящихся под угрозой вражеской оккупации территорий, с одной стороны, и огромным количеством таких заключенных, подлежащих перемещению, с другой: транспорт был перегружен, частично разрушен и не справлялся с объемом перевозок, а линия фронта постоянно перемещалась, что не позволяло просчитать границу эвакуационной зоны. Осложняющим фактором также следует считать отсутствие в тыловых регионах условий для размещения столь большого количества заключенных.

С целью разрешения данных противоречий органами центральной и местной власти был предпринят ряд действий.

1. Освобождение части содержащихся под стражей. Уже 23 июня 1941 г. по линии спецсвязи во все исправительные учреждения, расположенные в

²⁰ Печенюк Тимофей Андреевич. Воспоминания // Мемориал. Архив истории ГУЛАГа. Ф. 2. Оп. 1. Д. 96. Л. 47.

²¹ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / составители А.И. Кокурин, Н.В. Петров. Москва: МФД, 2000. С. 478.

Белоруссии, Украине и Прибалтике, поступил приказ «об организации процесса эвакуации спецконтингента своими силами». В этот же день по телефону ВЧ-связи (правительственная и военная связь в СССР) поступил приказ об эвакуации тюрем. При этом в разъяснении указывалось, что лица, впервые осужденные за прогулы, мелкие хищения на предприятиях, незначительные должностные и бытовые преступления, подлежали досрочному освобождению. Досрочному освобождению также подлежали несовершеннолетние правонарушители. Лица призывного возраста из числа освобожденных должны были быть мобилизованы и отправлены на фронт²².

Более поздний указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 июля 1941 г. «Об освобождении от наказания осужденных по некоторым категориям преступлений» давал подробную регламентацию категорий заключенных, подлежащих освобождению от дальнейшего отбывания наказания: осужденные за мелкие кражи на производстве и хулиганство, а также прогулы и самовольные уходы с работы; осужденные за малозначительные бытовые преступления, оставшийся срок наказания которых не превышал одного года; осужденные беременные женщины и женщины с малолетними детьми; учащиеся школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ, осужденные за нарушение дисциплины и самовольный уход из школы (училища); подследственные, привлекаемые к ответственности за прогулы без уважительных причин, самовольные уходы, мелкие кражи на производстве, хулиганство, нарушение дисциплины и самовольный уход из училища (школы) и другие маловажные бытовые преступления, за которые предусмотрено наказание в виде исправительно-трудовых работ либо лишения свободы на срок не более одного года; подследственные беременные женщины и женщины с малолетними детьми, привлекаемые к ответственности за преступления, за которые предусмотрено наказание в виде исправительно-трудовых работ либо лишения свободы на срок не более одного года²³.

Во исполнение данного и последующего указов (указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 ноября 1941 г. «Об освобождении от наказания осужденных по некоторым категориям преступлений») во второй половине 1941 г. были освобождены 420 тыс. заключенных²⁴.

²² Приказано приступить: эвакуация заключенных из Белоруссии в 1941 г.: сборник документов / составитель А.И. Кокурин и др. Минск: НАРБ, 2005. С. 5–6, 20.

²³ Луканин В.В. Особенности эвакуации тюрем в годы Великой Отечественной войны. С. 146.

²⁴ Доклад начальника ГУЛАГа В.Г. Наседкина наркому внутренних дел Л.П. Берия «О работе ГУЛАГа за годы войны (1941–1944)» // Архив Александра Н. Яковлева. URL: <https://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009222> (дата обращения: 06.10.2021).

2. Физическое уничтожение особо опасных с точки зрения руководства страны преступников. В первую очередь это касалось содержащихся в тюрьмах осужденных, приговоренных к «высшей мере наказания». В отношении них от руководства тюрем требовалось обеспечить немедленное приведение приговоров в исполнение²⁵.

Данная мера откровенно контрастирует с предыдущей, но оттого не может считаться более или менее важной. 27 июля 1941 г. нарком внутренних дел Л.П. Берия и нарком госбезопасности В.Н. Меркулов запросили у И.В. Сталина разрешение на расстрел заключенных в тюрьмах²⁶. Руководство страны опасалось, что «обиженные советской властью» люди могут выступить на стороне неприятеля. Особо политически неблагонадежными считались осужденные по 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР (и аналогичных статей в УК союзных республик), которые составляли категорию «особо опасных преступников». «Выход» из сложившейся ситуации был предложен наркомом внутренних дел СССР Л.П. Берией. 15 ноября 1941 г. он обратился к Сталину с предложением немедленно расстрелять 10 645 осужденных, содержащихся в тюрьмах НКВД, расположенных как в прифронтовой полосе, так и в районах глубокого тыла. Сталин наложил положительную резолюцию на докладную записку Берии о необходимости применения расстрела к особо опасным заключенным в связи с условиями военного времени. Осенью 1941 г. и летом 1942 г. сотни заключенных были расстреляны без утверждения приговора судебными инстанциями²⁷.

Один из узников Орловской тюрьмы вспоминал:

11 сентября начали из камер выводить некоторых заключенных без вещей... Когда вечером дежурный конвоир забрал их вещи, мы все поняли. На следующий день нас эвакуировали²⁸.

Расстрелы заключенных также применялись органами НКВД в учреждениях ГУЛАГа прифронтовых регионов в конкретных ситуациях

²⁵ Приказано приступить: эвакуация заключенных из Белоруссии в 1941 г.: сборник документов / составитель А.И. Кокурин и др. С. 23.

²⁶ Луканин В.В. Особенности эвакуации тюрем в годы Великой Отечественной войны. С. 147.

²⁷ Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.). Пятигорск: ПГЛУ, 2009. С. 63.

²⁸ Гурский К.П. По дорогам ГУЛАГа: воспоминания // Мемориал. Архив истории ГУЛАГа. Ф. 2. Оп. 3. Д. 18. Л. 120.

паники или быстрого наступления вражеских войск. Так, органами НКВД только во Львовской области в период с 24 по 29 июня было расстреляно в тюрьмах около 14 700 чел., в Станиславе – 2 000 чел., в Луцке – 1 600 чел. Жестоко обошлись с заключенными территориального тюремного узла в Черткове, где они были расстреляны уже в эшелонах, погруженные для эвакуации. Подобный случай произошел 4–5 июля 1941 г. и на железнодорожном мосту через Днестр в районе города Залещики, где в первые дни войны скопилось несколько тысяч эвакуированных осужденных из Тернополя. Большинство из них было расстреляно, тела были погружены в эшелоны и впоследствии выброшены в реку²⁹. Кроме этого, расстрелы заключенных происходили в прифронтовой зоне в тех случаях, когда не было возможности их эвакуировать. Случаи таких расстрелов впоследствии активно использовались в немецкой пропаганде как доказательство «агрессии большевизма» и «красного террора против населения».

Несмотря на «издержки» процесса значительная часть заключенных была эвакуирована в глубокий тыл. По данным, содержащимся в докладе начальника ГУЛАГа НКВД СССР В.Г. Наседкина «О работе ГУЛАГа за годы войны (1941–1944)», представленном наркомму внутренних дел Л.П. Берии 17 августа 1944 г., «эвакуации за годы войны подверглось 27 исправительно-трудовых лагерей и 210 колоний с общим числом заключенных – 750 тыс. человек»³⁰. Приведенные данные о количестве эвакуированных заключенных вызывают сомнения в их достоверности, так как к местам новых дислокаций было доставлено гораздо меньше заключенных, в том числе потому, что эвакуация на приграничных территориях была крайне затруднена стремительным наступлением вражеских войск. При этом в регионах, находившихся дальше от фронта, эвакуация проводилась уже более организованно.

Стоит отметить, что особое внимание спецконтингенту в ходе эвакуации было уделено лишь 28 июня 1941 г. в циркуляре НКВД № 30/6549/02 «Об эвакуации лагерей НКВД», где содержалась информация о том, что эвакуация «лагерников и всего лагерного имущества, транспорта и продовольствия осуществляется по плану, разрабатываемому начальником ГУЛАГа НКВД СССР». В циркуляре также содержалось требование о проведении эвакуации лагерей НКВД «только по личному указанию народного комиссара», при этом во всех случаях необходимо было «избегать длительных путей для

²⁹ ГУЛАГ в Украине. Сборник документов и материалов. 1930–1941 гг. / составитель А.Ю. Жуков. Киев: Жизнь, 2010. С. 300.

³⁰ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / составители А.И. Кокурин, Н.В. Петров. С. 272–296.

переброски имущества и людей, не занимая излишне железные дороги или водный транспорт»³¹.

План Совета по эвакуации предполагал перемещение спецконтингента в рамках общих эвакуационных процессов, с использованием освободившихся ресурсов, включая эшелоны для этапирования осужденных из Украины и Белоруссии. Прибалтийские республики и Молдавская ССР не входили в этот план, так как к этому времени они уже были оккупированы. ИТЛ и колонии, расположенные в западных областях РСФСР, с учетом продвижения фашистских частей начали эвакуировать только к августу.

Из-за стремительного продвижения войск вермахта по территории западных регионов СССР и отсутствия подготовленных разработанных планов эвакуации не удалось избежать хаоса, стихийного бегства и проявлений паники даже при эвакуации гражданского населения. Организация эвакуации заключенных сопровождалась дополнительными трудностями: их необходимо было охранять, обеспечить специально оборудованным транспортом и достаточным количеством сотрудников сопровождения, что в условиях тотального дефицита материальных и человеческих ресурсов было затруднительно.

Основная доля эвакуационных потоков и в материальном, и в человеческом эквиваленте перемещалась с помощью железнодорожного транспорта. Очень быстро в полной мере проявились негативные факторы, лимитировавшие объем железнодорожных перевозок: незаконченность модернизации железнодорожного транспорта к началу войны, нехватка подвижного состава (часть вагонов простаивала на станциях в ожидании разгрузки оборудования, часть – осталась на территориях, захваченных противником, часть – находилась в неисправном состоянии), разрушение железнодорожных путей вследствие вражеских бомбардировок, огромные людские потоки (мобилизованные на фронт двигались в западном направлении, промышленное оборудование, культурные ценности, эвакуанное население, эшелоны с ранеными – на восток)³².

В этих условиях для эвакуации при наличии использовался автотранспорт, а часть заключенных было решено отправлять пешими колоннами, что вызывало новые трудности, поскольку пешим было сложнее обеспечить

³¹ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собрание документов: в 7 т. Т. 2. Карательная система: структура и кадры / составители Н.В. Петров, Н.И. Владимирцев. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2004. С. 209.

³² Потемкина М.Н. Дорога в эвакуацию: опыт реконструкции железнодорожных перевозок населения в условиях Великой Отечественной войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. № 4 (34). С. 107–118.

охрану, питание и ночлег в сравнении с теми, кого перевозили в закрытых железнодорожных вагонах. К тому же, тысячные потоки идущих людей мешали продвижению военных грузов и армейских колонн:

так, на Украине колонны составляли около 40 тыс. заключенных, из западной Белоруссии двигались пешком до 20 тыс. Колонны заключенных заполняли шоссе, затрудняя передвижение воинских частей и эвакуируемого населения³³.

Примером подобного способа эвакуации может служить эвакуация Донлага, при которой во время этапирования 9 540 заключенных из Ворошиловграда по пути следования колонны прошел слух о том, что колонну ведут на расстрел. Началась паника, в ходе устранения которой около 200 заключенных были расстреляны. Колонна растянулась на несколько километров, начался немецкий авианалет, в результате чего сотрудники НКВД приняли решение о расстреле всего эвакуируемого спецконтингента. Это заблокировало основную дорогу Харьков – Ворошиловград, и пехотные соединения, САУ, танки, двигавшиеся на несколько сотен километров севернее со стороны Харькова, остановились, что позволило немецкой авиации уничтожить колонну бронетехники³⁴.

Раскрывая вопрос о высшей мере наказания для заключенных, необходимо упомянуть и об ответственности сотрудников НКВД за самовольные расстрелы. Только во втором полугодии 1941 г. именно за самовольные расстрелы осужденных накануне или в ходе эвакуации под военный трибунал было отправлено 19 работников НКВД, в том числе в Белорусской ССР. В частности, заместитель начальника тюрьмы А. Табер и помощник оперуполномоченного В. Мохов были приговорены к расстрелу за ликвидацию 714 заключенных в г. Глубокое³⁵.

В большинстве случаев таких трагических последствий удавалось избежать, но паника и неразбериха среди руководящего состава эвакуируемых пенитенциарных учреждений присутствовали. Как следует из донесений начальнику конвойных войск НКВД СССР об эвакуации тюрем Воронежа, вследствие серьезных бомбардировок администрация тюрьмы

³³ Христофоров В.С. Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. С. 362.

³⁴ Дугин А.Н. Говорят архивы: Неизвестные страницы ГУЛАГа // Социально-политические науки. 1990. № 7. С. 74–79.

³⁵ Кевляк Л.Т. Эвакуация населения и материальных ресурсов Белорусской ССР в начале Великой Отечественной войны (некоторые историко-правовые проблемы) // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 4. Правазнаўства. 2018. Т. 8, № 1. С. 15.

растерялась и не подготовила заключенных к эвакуации ни документально, ни с позиции снабжения. К тому же,

начальника тюрьмы и его помощников к приходу конвоя на местах не было, надзирательский состав и совершенно второстепенные лица из администрации тюрьмы открыли камеры и ворота тюрьмы, выпустили всех заключенных конвоем и никакого приема по существу не производилось³⁶.

Безусловно, в подобных условиях вряд ли можно говорить об успешности эвакуации.

Важную роль для воссоздания атмосферы эвакуации заключенных играют источники личного происхождения, которые, несмотря на субъективность, позволяют реконструировать атмосферу происшедшего и понять его особенности. В воспоминаниях упомянутого ранее Т.А. Печенюка процесс вывоза из ИТЛ на территории Белоруссии описан довольно буднично: распоряжение об эвакуации – подача автомашин – объявление посадки. Однако автор сетует, что власти лагеря не разрешили «совершенно ничего брать, даже и пайки хлеба», а также, что условия перевозки были тяжелые – в кузов загружали по 60 человек, люди могли только стоять, обхватив друг друга руками («это была живая сжатая толпа»), а «автомагистраль была сильно перегружена» и представляла собой удобную мишень для бомбежек³⁷.

Несколько иную картину представляла собой эвакуация тюрем. Участник эвакуации заключенных в июле 1941 г. из тюрем г. Москвы Н.М. Бер вспоминал:

Рано утром, наверное, в четыре часа, нас подняли и небольшими группами с узелками в руках выводили в тюремный двор. Все поняли, это ведут на этап, но куда никто не знал. Затем была посадка в тюремные машины («воронки»), долгая дорога колонны по улицам столицы, подъезд к железной дороге и выход с командой «ложись на землю».

Далее начиналась погрузка в вагоны:

³⁶ Котюков К.Л. «...Конвоирование заключенных проходило в условиях непосредственной опасности с воздуха...»: донесения начальника 14 дивизии конвойных войск НКВД об эвакуации заключенных и военнопленных из прифронтовой полосы в 1941–1942 гг. // *Russian Colonial Studies*. 2019. № 4. С. 184.

³⁷ Печенюк Тимофей Андреевич. Воспоминания // Мемориал. Архив истории ГУЛАГа. Ф. 2. Оп. 1. Д. 96. Л. 48.

Ползком по шесть человек через живой коридор военного конвоя с автоматами и собаками нас подгоняли к «столыпинскому вагону» и впускали в него. Это был пассажирский вагон с четырехместным купе. В каждом купе были постелены в два яруса доски, а вместо деревянных дверей была сплошная металлическая решетка, имевшая такую же решетчатую дверь. Находившийся в коридоре вагона конвой, ходивший взад и вперед по вагону, видел все, что происходило в купе³⁸.

Не менее тяжелой была «пешая» эвакуация, описанная политической заключенной М. Штейнберг, арестованной в 1941 г. во второй раз. Рассказывая об эвакуации из Кировоградской тюрьмы, арестантка вспоминала страшную жару (был август 1941 г.), пыль, невозможность дышать. Подобные условия привели к тому, что М. Штейнберг бросила свой узел с вещами через 30 километров пути:

Ничего себе не оставила, ни ниточки. Поняла, что мне уже ничего не донести. Так же поступило огромное большинство женщин. Но те, кто не бросил свои узлы после первых 30 км, бросили их после 130 км. До места никто ничего не донес³⁹.

Следует отметить, что гражданскому населению, в отличие от заключенных, в большинстве своем приходилось самостоятельно принимать решение об эвакуации. Исключение составляли работники промышленных предприятий и еще ряд категорий населения, которым чаще всего удавалось вывезти с собой семью. Многие смогли взять с собой какие-то деньги, ценные вещи, продукты, предметы одежды и обуви, хотя объем груза был лимитирован. Информация о пункте назначения не всегда обозначалась даже в эвакуационных справках, которые были на руках у большинства гражданских эвакуируемых (иногда в рейсовых документах в графе «пункт назначения» писалось «вглубь страны»).

По дороге к месту следования, заключенные испытывали многочисленные сложности и терпели лишения. Одной из наиболее очевидных трудностей эвакуации были немецкие авиабомбардировки железных дорог и шоссе. Согласно официальной статистике, вражеская авиация совершила около

³⁸ Бер Нисанин Моисеевич. Воспоминания. Арест и следствие // Мемориал. Архив истории ГУЛАГа. Ф. 2. Оп. 1. Д. 22. Л. 13.

³⁹ *Энглбаум Э.* ГУЛАГ / перевод с английского Л. Мотылева. Москва: АСТ: CORPUS, 2015. С. 424.

20 тыс. налетов на железные дороги, сбросив 243 тыс. фугасных и 120 тыс. зажигательных бомб⁴⁰.

Практически все заключенные вспоминали свой ужас во время бомбардировок, что в первую очередь было связано с невозможностью свободного передвижения во время налета. Состав останавливался, конвой разбежался в поисках укрытия, а заключенные покинуть вагон не могли и оставались на месте. Психологическое состояние людей в ситуации стресса ярко отражено в воспоминаниях Н.М. Бера:

...ощущение жуткого страха от беспомощности и невозможности действовать. Страх не смерти, а бесполезной смерти. И вдруг несколько человек встали на колени и начали молиться. Молиться усердно, крестясь и отбивая поклоны. Непрерывно шептали какие-то одни и те же слова, в которых чаще других слышалось слово «господи» <...> Кто-то на верхних нарах нашего купе начал истерически громко хохотать, другие начали руками и ногами стучать в стены купе <...> по вагону метались вопли, стоны, просьбы о помощи⁴¹.

Действия людей в экстремальных условиях (пожар на железнодорожной станции Вешняки в результате авианалета противника во время эвакуации) вспоминает и Т.А. Печенюк:

Горело всего метрах в десяти от нашего состава, и вдоль состава параллельно с вагонами. Что делать, ведь сгорим живьем, подняли крик. Но никого нет, охрана разбежалась, железнодорожников тоже не видно в наше окошко.

Заключенные попытались сорвать крышу вагона, упершись в нее ногами, или проломить стену оторванными от нар досками, но ничего не получилось.

Положение было безвыходное, стали прощаться. Но прибыли пожарные, стали тушить, поливать вагоны. Вскоре наш состав подцепил паровоз и оттащил от места пожара. Все успокоились⁴².

⁴⁰ Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия / под редакцией М.М. Козлова. Москва: Советская энциклопедия, 1985. С. 268.

⁴¹ Бер Нисанин Моисеевич. Воспоминания. Арест и следствие // Мемориал. Архив истории ГУЛАГа. Ф. 2. Оп. 1. Д. 22. Л. 16.

⁴² Печенюк Тимофей Андреевич. Воспоминания // Мемориал. Архив истории ГУЛАГа. Ф. 2. Оп. 1. Д. 96. Л. 50.

Жизнь «на колесах» продолжалась, как правило, от нескольких суток до нескольких недель. Скорость движения эшелонов была крайне низкой: официально установленная в 500–600 км в сутки, в реальности в документах за ноябрь 1941 г. она была зафиксирована от 180 до 200 км в сутки⁴³.

Важное значение приобретал вопрос удовлетворения витальных потребностей человека, в частности в пище и воде. Работники, эвакуировавшиеся с предприятиями или учреждениями, должны были получать перед отправкой продуктовый паек, а в пути – горячее питание на транзитных эвакуопунктах по рейсовым карточкам. И хотя в реальности этот регламент не всегда соблюдался, а с питанием часто возникали трудности, у свободно перемещавшихся лиц были возможности заняться самообеспечением, обменивая вещи на продукты, собирая на полях «подножный корм», элементарно воруя у более запасливых попутчиков. Так, рабочий Кировского завода вспоминал, что дорога в эвакуацию от Ленинграда до Челябинска заняла 29 суток, «скоро продовольствие кончилось и, когда поезд стоял, мы разбрелись в поисках еды порой за 5–7 километров от железной дороги»⁴⁴.

Не имевшие свободы передвижения заключенные были этих возможностей лишены. Поэтому решение продовольственной проблемы в ходе их эвакуации можно охарактеризовать как случайное (то есть, как повезет). Так, например, Т.А. Печенюк вспоминал следующее:

остановились на ночлег на территории какого-то лагеря, где уже не было людей. Нашли в овощехранилище проросшую картошку и соленую рыбу, это и съели. Когда ехали в железнодорожных вагонах, то снабжение продовольствием отсутствовало. Стояла страшная жара и хотелось пить, но воды тоже не давали⁴⁵.

В отдельных случаях инициативу в поиске пропитания могли проявить и представители охраны. Так, при конвоировании 2 244 пеших заключенных из Воронежа в Тамбов возникли серьезные затруднения с обеспечением заключенных продуктами питания вследствие халатности тюремной администрации. Это стало причиной многих голодных смертей среди этапировавшихся и привело к фактическому параличу движения колонны.

⁴³ Потемкина М.Н. «Выковыренные»: личностное восприятие эвакуации в годы Великой Отечественной войны. Магнитогорск: Издательство Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, 2016. С. 45.

⁴⁴ Гусев В. Как кировцы делали танки в Челябинске // Знамя. 1974. № 8. С. 141–142.

⁴⁵ Печенюк Тимофей Андреевич. Воспоминания // Мемориал. Архив истории ГУЛАГа. Ф. 2. Оп. 1. Д. 96. Л. 49.

Военком полка тов. Зельцер был вынужден выехать в Тамбов, где через НКВД достал 5 т хлеба и 500 кг рыбы, разрешив ситуацию⁴⁶. Можно констатировать, что в экстремальных условиях войны, при нарастании всеобщей неразберихи, формировалась другая социальная реальность, где результат зависел от субъективного фактора, в данном случае от активности действий руководства этапа.

Среди факторов, осложнявших эвакуацию заключенных, следует также упомянуть болезни, инфекции, обморожения и, как следствие, гибель в пути. К сожалению, исследователи не располагают полными статистическими данными о потерях во время транспортировки в тыл. Если же говорить о процессе адаптации к новому месту, то по данному критерию заключенные «имели преимущество» перед гражданским населением. Многие трудности адаптации у эвакуантов определялись, как правило, рядом факторов: возрастом эвакуированных, национальностью, профессией, социальным статусом, сменой привычного образа жизни (переезд в город либо сельскую местность), наличием родственников в другом регионе. Абсолютное большинство граждан попадали в иную среду, к которой нужно было приспособиться, особенно – в психологическом плане. В то же время заключенные лишь меняли один ИТЛ на другой, отличавшиеся только условиями размещения или видами работ. Лагерная иерархия и положение режимного объекта не менялись, осужденный оставался с прежним социальным статусом, в то время как свободный человек из-за переезда мог оказаться ниже в социальной иерархии⁴⁷.

Если говорить о статистических результатах эвакуации заключенных, то общую цифру эвакуированного спецконтингента назвать практически невозможно, поскольку вывоз осуществлялся из разных учреждений с разным подчинением. Наиболее точные данные существуют по тюрьмам: по состоянию на 22 января 1942 г. всего было эвакуировано более 140 тыс. заключенных из 272 тюрем. Не смогли вывезти с занятой противником территории более 20 тыс. человек, были освобождены во время эвакуации – почти 7,5 тыс., совершили побег в пути при бомбежках – более 800, бежали от конвоя – более 250 человек. Кроме того, было убито в пути при бомбежках 23 заключенных, убито в пути при попытке побега – 59,

⁴⁶ Котюков К.Л. «...Конвоирование заключенных проходило в условиях непосредственной опасности с воздуха...»: донесения начальника 14 дивизии конвойных войск НКВД об эвакуации заключенных и военнопленных из прифронтовой полосы в 1941–1942 гг. С. 185.

⁴⁷ Амалиева А.Г., Мухинова Н.А. «Мы готовы все забыть и простить перед лицом всенародного несчастья»: Великая Отечественная война в воспоминаниях поволжских узников ГУЛАГа // Наука и современность. 2010. № 1–1. С. 110–114.

«освобождено налетом банд» – 346, расстреляно в тюрьмах – 9 817, расстреляно конвоем в пути при подавлении бунта – 674, «незаконно расстреляно конвоем в пути» – 769, умерло в пути – 1 057 заключенных. Всего в процессе эвакуации выбыло по различным причинам более 42,5 тыс. заключенных⁴⁸. Эти данные позволяют сделать вывод о сохранении почти 2/3 спецконтингента. Однако некоторые исследователи показатель в 70 % успешно эвакуированных считают завышенным и не соответствующим действительности, полагая, что более реален диапазон 45–50 %⁴⁹.

Самые низкие потери среди спецконтингента во время эвакуации были на территории РСФСР. Поскольку западная часть РСФСР считалась глубоким тылом, то на организацию эвакуационных процессов пришлось больше времени, что привело к отсутствию хаотичности в принятии решений и более комплексной эвакуации. В целом, рассмотренный материал подтверждает тезис А.Л. Кузьминых о том, что

в годы Великой Отечественной войны на тюремную систему существенное влияние оказывали чрезвычайные факторы военного времени, что делало положение заключенных особенно тяжелым, а нередко драматичным⁵⁰.

Заключение

Мероприятия по эвакуации заключенных в начальный период Великой Отечественной войны стали частью общего перемещения в советский тыл материальных ценностей и людских ресурсов. Целями эвакуационных мероприятий в отношении контингента заключенных являлись обеспечение государственной безопасности и сохранение рабочей силы для экономики военного времени.

В условиях отсутствия заранее разработанных планов эвакуации, быстрого продвижения вражеских войск, нехватки транспорта и других ресурсов переместить весь контингент заключенных из западных регионов СССР не представлялось возможным. Для разрешения этой задачи использовались диаметрально противоположные по смыслу меры: освобождение из-под стражи части заключенных и подследственных, а также физическое

⁴⁸ Петров Н.В. История империи «Гулаг». Глава 9. URL: <http://www.pseudology.org/GULAG/Glava09.htm> (дата обращения: 06.10.2021).

⁴⁹ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / составители А.И. Кокурин, Н.В. Петров С. 208.

⁵⁰ Кузьминых А.Л. Тюрьмы Вологодской области в условиях военного времени (1941–1945 гг.) // Историко-педагогические чтения. 2020. № 24. С. 121.

уничтожение особо опасных с точки зрения руководства страны преступников.

Дополнительными трудностями при организации эвакуации заключенных были необходимость их охраны в пути следования, обеспечение питанием, транспортом и обслуживанием, что вменялось в обязанности конвоя. Невозможность принимать самостоятельные решения и отсутствие свободы передвижения в ситуации бомбардировки приводили к тяжелым психологическим травмам у многих заключенных.

Основными источниками потерь среди заключенных в ходе эвакуации были бомбежки, истощение, несанкционированные расстрелы. Наиболее сложно эвакуация проходила с территории Белоруссии и Западной Украины, на организацию эвакуационных процессов из регионов РСФСР и Восточной Украины отводилось больше времени, что привело к отсутствию хаотичности в принятии решений и более рациональной постановке процесса.

Если для гражданского населения в большинстве случаев эвакуация означала ухудшение материального положения и понижение места в социальной иерархии, то заключенные, в принципе лишённые права выбора, лишь меняли один лагерь на другой, сохраняя тот же социальный статус. В худшую сторону для них могли измениться условия содержания и труда, зависевшие в том числе от места дислокации и направления производственно-хозяйственной деятельности пенитенциарного учреждения.

Introduction

The problems of evacuation of prisoners during the Great Patriotic War have become an object of scholarly research relatively recently because many archival documents were classified and some of them were lost during military operations.

Soviet historians generally sought to show the positive results of the evacuation process, emphasizing rapid relocation and commissioning of heavy industry enterprises and their contribution to the Victory. Contemporary Russian researchers study this issue more comprehensively. A fairly extensive material on the quantitative characteristics of prisoners and the statistics of their evacuation was presented by V. Zemskov.¹ The article by D. Surzhik offers an analysis of the evacuation of special contingent in the early years of the Great Patriotic War, referring to statistical data on prisoners of corrective labor camps in the period between 1941 and 1942.² V. Lukanin examines the order and scale of evacuation of prisoners, identifying the problems that the leadership of the penitentiary department faced during the evacuation process.³ A. Kuz'minykh gives data on the number of the evacuated Gulag special contingent during the Great Patriotic War.⁴

At the present stage, there are studies that focus on the impact of the evacuation of prisoners both on the national economy in general and on individual regions in particular. The leading specialist on this issue in Russia is G. Ivanova.⁵ An example of works devoted to this topic at the regional level is the study by V. Kuanysheva, in which the author focuses on the use of labor of prisoners evacuated to the Kuibyshev ITL and used at the construction of strategically important facilities of the reserve base of the USSR aviation.⁶ The article by N. Belykh examines in detail the impact of prisoners' labor on the economy of Kirov Oblast during the Great Patriotic War.⁷

¹ V.N. Zemskov, "Prisoners, special settlers, exiled settlers, exiles, and deportees (Statistical and geographical aspect)" [in Russian], *Istoriya SSSR*, no. 5 (1991): 151–65.

² D.V. Surzhik, "The role of the Gulag during the Great Patriotic War: on the history of one stereotype" [in Russian], *"Belye pyatna" rossiiskoi i mirovoi istorii*, no. 6 (2016): 33–39.

³ V.V. Lukanin, "Features of prisons evacuation during the Great Patriotic War" [in Russian], *Agrarnoe i zemel'noe pravo*, no. 12 (204) (2021): 146–48.

⁴ A.L. Kuz'minykh, "The war and the Gulag" [in Russian], *Istoriya v podrobnostyakh*, no. 1 (2010): 65–79.

⁵ G.M. Ivanova, *History of the Gulag, 1918–1958: socio-economic and politico-legal aspects* [in Russian] (Moscow: Nauka, 2006).

⁶ V.V. Kuanysheva, "Construction of airfields of the NKVD in Kuibyshev Oblast before and during the Great Patriotic War" [in Russian], *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 4 (107) (2017): 120–22.

⁷ N.Yu. Belykh, "The Gulag as a system of forced labor (based on the materials of the Vyatka ITL of the NKVD-MVD of the USSR, 1938–1953)" [in Russian], *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (1) (2010): 46–51.

Contemporary researchers address the problems of psychology and everyday life of prisoners during the Great Patriotic War. A. Biesov explores this topic in detail, using as a research basis interviews and memoirs of the people who went through corrective labor camps during the war.⁸ M. Suslov describes the impact of the evacuation process on the consciousness of prisoners and their spirits.⁹

The problem of evacuation of prisoners was also considered by Ukrainian historians, who focused mainly on the repressive and punitive actions of the NKVD. However, the works of Ye. Babich and I. Bilas have an undoubted scientific value, since they contain a detailed description of the first days of the evacuation of prisoners.¹⁰

Foreign historiography is represented by fundamental research on the history of the repressive and punitive system, in which evacuation processes during the Great Patriotic War are mentioned fragmentarily. For example, in *The Black Book of Communism*,¹¹ the authors paid attention to the evacuation in June 1941, presenting it as another crime of the “Stalinist regime”. D. Stone drew an analogy between the evacuation of the prisoners in June 1941 and the removal of Polish citizens to the Katyn region at the beginning of World War II.¹²

In general, it should be noted that the topic of evacuation of prisoners still remains poorly studied and debatable. Domestic publications focus on quantitative indexes of evacuation, logistical processes of moving prisoners, and adaptation practices of special contingent of prisoners in new locations. Foreign authors tend to assess the evacuation negatively, with an emphasis on the large number of victims among the special contingent and illegal actions of the NKVD officers.

The purpose of this study is to examine the features of the process of evacuation of prisoners in the initial period of the Great Patriotic War. The source base of the article includes regulatory legal documents and office records as well as reminiscences and memoirs of former prisoners. The latter type of sources possesses a high degree of subjectivity, so we have to take into account the individual attitude

⁸ A.G. Biesov, “Fundamental values in the structure of the GULAG prisoners’ mentality” [in Russian], *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya*, no. 4 (106) (2016): 18–20.

⁹ M.G. Suslov, “Patriotism behind barbed wire or how prisoners treated the problems of the state in the conditions of the Great Patriotic War” [in Russian], *Uspekhi sovremennoi nauki*, vol. 9, no. 12 (2016): 175–78.

¹⁰ Ye.K. Babych and V.V. Patoka, *Repression in Ukraine (1917–1990): Scientific auxiliary bibliographic index* [in Ukrainian] (Kiev: Smoloskyp, 2007); I.G. Bilas, *Repressive-punitive system in Ukraine: 1917–1953: socio-political and historico-legal analysis*, [in Ukrainian], 2 bks (Kiev: Lybid'-Viis'ko Ukrayini, 1994).

¹¹ S. Courtois et al., *The Black Book of Communism. Crimes. Terror. Repression* [in Russian], trans. E.L. Khramov et al. (Moscow: Tri veka istorii, 2001).

¹² D. Stone, ed., *The historiography of the Holocaust* (Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2004).

of the authors to reality. In this case, their value is determined by the absence of other sources that would make it possible to recreate the mechanism and psychological background of the process of evacuation of prisoners during the period under study. When using documentary sources, verification is also necessary, since some of them “did not reflect the real picture of events,” but were in fact “ceremonial reports”¹³ (for example, “Report on the work of the Main Directorate of Correctional Labor camps and Colonies of the NKVD of the USSR during the years of the Patriotic War” dated August 17, 1944 to the People’s Commissar L. Beria by the chief of the Gulag V. Nasedkin).

The synthesis of social history and micro-history constitutes the theoretical and methodological basis of the research. The tools of social history made it possible to study in detail the relationships and behavior of people in closed social groups. At the same time, relying on the principles of M. Weber and representatives of the Annales School, it is possible to consider micro-levels in social history, i.e. to examine the memories of direct participants in the events for better understanding of the motives of people’s behavior in order to reconstruct events as exactly as possible.

It is necessary to place special emphasis on the issues of terminology. In our opinion, the term “evacuation of the population” is applicable to the civilians whose relocation is associated with the need to ensure personal or state security from the regions that might be occupied by the enemy or affected by a natural disaster, or be in the grip of social or national conflicts. In relation to the Great Patriotic War, the normatively defined framework of the category of evacuees did not include all people who arrived from the frontline to the Soviet rear. In this regard, the relocation of prisoners from threatened areas can be defined as evacuation only with certain reservations, since being in the rear, they did not have the official status of evacuees and their situation was special. Only a few persons “under investigation” were transported to the rear for further investigation of their cases and, if acquitted, could fall into the category of evacuees.

Main Body

The country’s leadership became aware of the need for a large-scale evacuation in the first days of the war. On June 24, 1941, by the resolution of the Central Committee of the VKP(b) and the SNK of the USSR “On the Establishment of the Evacuation Council,” the Evacuation Council was formed in order to “guide the evacuation of the population, institutions, military and other cargo, equipment of enterprises, and other valuables.”¹⁴ The main tasks were identified as follows: the

¹³ Ivanova, *History of the Gulag*, 26.

¹⁴ “Postanovlenie TsK VKP(b) i SNK SSSR “O sozdanii Soveta po evakuatsii”. 24 iyunya 1941 g.” [Decree of the Central Committee of the VKP(b) the Sovnarkom of the USSR ‘On the

evacuation of industrial equipment, material and cultural values, and the population. With regard to the evacuation of material assets, the directive of the Council of People's Commissars of the USSR of the Central Committee of the VKP(b) as of June 29, 1941 no. P509 "To the Party and Soviet Organizations of the Frontline Regions on the Mobilization of All Forces and Means to Defeat the Fascist Invaders" urged to leave "neither a kilogram of bread nor a liter of fuel" to the enemy. As for tens of millions of civilians, everyone understood that total evacuation was practically unattainable. The category of prisoners (and those under investigation) was considered in this context as a specific social group, which was covered by the principle of "not to leave to the enemy." Analyzing this position of the authorities, most researchers point to the interests of state security, since when they got to the enemy. . . , prisoners could join their ranks and continue criminal activities with special cruelty."¹⁵ In our opinion, it is necessary to emphasize one more purpose of the evacuation of special contingent: in the conditions of a protracted war, prisoners were a significant labor resource for the economy of the rear areas.

Prisoners made a significant contribution to the country's economy during the war years. Suffice it to say that the share of the People's Commissariat of Internal Affairs during this period accounted for almost 15% of capital works in the national economy. Compared with the pre-war period, the share of the People's Commissariat's participation in railway, motorway, and hydraulic construction decreased, but it increased in the construction of enterprises of ferrous and non-ferrous metallurgy and fuel industry.¹⁶

At the same time, no official document of the war period set such a goal as saving human lives (which was declared as one of the main goals during the evacuation of the civilian population) in relation to the category of prisoners. Let us express an opinion that among those in prisons there were defendants whose guilt had not yet been determined and proven, but in most cases they were automatically equated with prisoners whose lives were considered by the state only as a labor resource.

The total number of prisoners in the Soviet Union on January 1, 1941 was 2 400 422 people, of which 1 500 524 people were held in camps; 429 205 people, in colonies; 470 693 people, in prisons.¹⁷ From the point of view of the geographical location of penitentiary institutions, as of June 1, 1941, there were 492 institutions in

establishment of the Evacuation Council'. June 24, 1941]. F. 17, op. 166, d. 659, l. 67. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [Russian State Archive of Socio-Political History] (RGASPI), Moscow, Russia.

¹⁵ Lukanin, "Features of prisons evacuation during the Great Patriotic War," 146.

¹⁶ V.S. Khristoforov, *State security organs of the USSR in 1941–1945* [in Russian] (Moscow: Izdatel'stvo Glavnogo arkhivnogo upravleniya g. Moskvy, 2011), 367.

¹⁷ V.N. Zemskov, "Demography of prisoners, special settlers, and exiles (the 1930s – 1950s)" [in Russian], *Mir Rossii*, vol. 8, no. 4 (1999): 115.

the western territories of the USSR, namely in the Baltic regions, Moldova, Ukraine, Belarus, which included prisons, corrective labor camps, and pretrial detention facilities subordinate to the Gulag system, where 438 918 people were confined. In the European territory of the RSFSR, there were 257 institutions with a total occupancy of up to 258 000 people.¹⁸ The main feature of the territorial placement was the overcrowding and congestion of prisons and corrective labor camps in the European part of the USSR, especially in the territories of the Ukrainian SSR and the Belorussian SSR.

It is interesting to follow the reaction of prisoners to the outbreak of war and the subsequent actions of the authorities. Prisoners and persons under investigation held in custody were not informed about the outbreak of war. There are memories where prisoners anxiously noted that they were not given newspapers anymore and the bread ration was reduced. “Orel was bombed, but we thought it was a military exercise.”¹⁹

The situation in the corrective camps was different: since prisoners could move around the camp and even go outside to perform some work, information about the German attack leaked on the very first day. For example, Timofei Andreevich Pechenyuk, who was serving a sentence under Article 58 of the Criminal Code of the USSR at the subcamp in the settlement of Novo-Borisov (Minsk Oblast) at the beginning of the war and worked as part of a construction column on the construction of the Moscow – Minsk motorway, recalled the first day of the war:

I learned about the war on the same day from the foreman. The prisoners went to work in the morning according to the usual routine. There was a radio on the construction site; at 10 a.m. Moscow time, Molotov’s speech was broadcast. . . As soon as Molotov’s speech was heard, there was ado at once: quit your job, we’ll all die; Work stopped; people were gathering in groups and talking to each other.

Pechenyuk (according to him) and the foreman went to the working teams to persuade them to continue work, putting forward food supply as the main argument: if they work, the accounting department would close the orders, which means there would be rations.

¹⁸ Zemskov, “Prisoners, special settlers, exiled settlers, exiles and deportees,” 248.

¹⁹ K.P. Gurskii, “On the Roads of the GULAG: Memoirs” [in Russian]. International Historical, Educational, Charitable and Human Rights Society “Memorial” (Memorial) (**included by the Ministry of Justice in the register of non-profit organizations that act as foreign agents, liquidated by the decision of the Supreme Court of the Russian Federation**). F. 2, op. 3, d. 18, l. 120. Arkhiv istorii GULAGa [Archive of the history of the Gulag], Moscow, Russia.

Somehow we managed to persuade them; they seemed to be working, but mostly they were watching the motorway along which troops and equipment were going to the West. Enemy airplanes appeared over Novo-Borisovo. Our anti-aircraft guns began firing at them from the ground, one plane was shot down, it did not crash, but landed three hundred meters from our camp; we were not taken to work that day anymore.²⁰

Memories of aerial bombardments in the early days of the war are also found in the stories of other prisoners who were in the territories of the western borderline districts of the USSR.

As for the process of evacuating the prisoners, though it seemed necessary, there was no developed plan for the organized relocation of people. Simultaneously with the news of the beginning of the war, on June 22, 1941, a secret joint directive of the People's Commissar of Internal Affairs of the USSR L. Beria and the USSR Prosecutor V. Bochkov no. 221 was sent to the heads of all corrective labor camps and departments of corrective labor colonies "To All Heads of ITLs and UITLK-OITK of the NKVD/UNKVD on Carrying Out a Number of Urgent Measures in Connection with the Beginning of the War." The general meaning of the directive was not only to transfer the guards and workers of camps, prisons, and colonies to martial law but also to seriously tighten the existing regime of detention of prisoners in custody.²¹

In the first days of the war, the leadership of the Gulag started developing plans for the evacuation of prisoners, which implied the relocation of people, property, and dismantled equipment. At the same time, there was a contradiction between the availability of resources that could ensure the relocation of all prisoners from the territories under threat of enemy occupation on the one hand, and a huge number of such prisoners to be moved on the other: the transport was overloaded, partially destroyed, and could not cope with the volume of transportation, and the front line was constantly moving, which is why it was not possible to determine the boundary of the evacuation zone. The lack of conditions in the rear regions to accommodate such a large number of prisoners should also be considered a complicating factor.

In order to resolve these contradictions, the central and local authorities took a number of actions.

(1) Release of a part of the detainees. Already on June 23, 1941, all correctional institutions located in Belarus, Ukraine and the Baltic regions received an order "On the Organization of the Evacuation Process of the Special Contingent by Their Own

²⁰ "Pechenyuk Timofei Andreevich. Vospominaniya" [Pechenyuk, Timofei Andreevich. Memoirs]. Memorial. F. 2, op. 1, d. 96, l. 47. Arkhiv istorii GULAGa.

²¹ A.I. Kokurin and N.V. Petrov, comps., *GULAG: Chief Administration of Camps. 1918–1960* [in Russian] (Moscow: MFD, 2000), 478.

Means.” On the same day, an order to evacuate prisons was received by the high-frequency telephone (government and military communications in the USSR). The explanation indicated that the persons convicted for the first time for absenteeism, petty theft at enterprises, minor official and domestic crimes were subject to early release. Juvenile offenders were also subject to early release. Persons of military age from among the released were to be mobilized and sent to the front.²²

A later decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated July 12, 1941 “On the Release from Punishment of the Convicted of Certain Categories of Crimes” gave a detailed classification of the categories of prisoners subject to release from further punishment: convicted of petty theft at work and hooliganism as well as of absenteeism and unauthorized departures from work; convicted of minor domestic crimes, the remaining term of whom did not exceed one year; convicted pregnant women and women with young children; students of the factory training schools, craft and railway schools convicted of violation of discipline and unauthorized departure from school; persons under investigation brought to responsibility for absenteeism without valid reasons, unauthorized departures, petty theft at work, hooliganism; violation of discipline and unauthorized departure from school of students of craft and railway schools and factory training schools, unimportant domestic crimes punishable by correctional labor or imprisonment for a period not exceeding one year; pregnant women under investigation and women with young children brought to justice for crimes punishable by correctional labor or imprisonment for a period not exceeding one year.²³

In pursuance of this and subsequent decrees (decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated November 24, 1941 “On the Release from Punishment of the Convicted of Certain Categories of Crimes,” 420 thousand prisoners were released in the second half of 1941.²⁴

(2) Physical liquidation of dangerous (from the point of view of the country’s leadership) special criminals. First of all, this concerned those prisoners who were sentenced to capital punishment. Prison authorities were required to ensure that their sentences were enforced immediately.²⁵

²² A.I. Kokurin et al., comps., *Ordered to start: evacuation of prisoners from Belarus in 1941: a collection of documents* [in Russian] (Minsk: NARB, 2005), 5–6, 20.

²³ Lukanin, “Features of prisons evacuation during the Great Patriotic War,” 146.

²⁴ “Doklad nachal'nika GULAGa V.G. Nasedkina narkomu vnutrennikh del L.P. Beriia ‘O rabote GULAGa za gody voyny (1941–1944)’” [Report of the head of the GULAG V.G. Nasedkin to the People’s Commissar of Internal Affairs L.P. Beria]. Arkhiv Aleksandra N. Yakovleva [Archive of Alexander N. Yakovlev], accessed October 6, 2021, <https://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009222>

²⁵ Kokurin et al., *Ordered to start: the evacuation of prisoners from Belarus in 1941*, 23.

This measure openly contrasts with the previous one, but therefore it cannot be considered more or less important. On July 27, 1941, People's Commissar of Internal Affairs L. Beria and People's Commissar of State Security V. Merkulov requested J. Stalin's permission to execute prisoners by firing squad.²⁶ The country's leadership was afraid that the people "offended by the Soviet government" might take the side of the enemy. Those prisoners were considered especially politically unreliable who were convicted under Article 58 of the Criminal Code of the RSFSR (and similar articles of the Criminal Codes of the Union Republics) and constituted the category of dangerous special criminals. The "way out" of the current situation was proposed by People's Commissar of Internal Affairs of the USSR L. Beria. On November 15, 1941, he appealed to Stalin with a proposal to immediately shoot 10 645 convicts held in the NKVD prisons that were located both in the frontline and in the areas of the deep rear. Stalin imposed a positive resolution on Beria's memo on the need to apply execution to dangerous special prisoners in connection with wartime conditions. First of all, convicts under Article 58 of the Criminal Code of the RSFSR were included into this category. In autumn 1941 and summer 1942 hundreds of prisoners were executed by firing squad without the approval of their sentence by the courts.²⁷

One of the prisoners of the Orel prison recalled:

On September 11, some prisoners began to be taken out of their cells without their belongings. . . . When the guard on duty took their things in the evening, we understood everything. The next day we were evacuated.²⁸

Execution of prisoners by firing squad was also conducted by the NKVD in the Gulag institutions of the frontline regions in specific situations of panic or rapid advance of enemy troops. For instance, in the period from June 24 to June 29, the NKVD bodies shot about 14 700 people in prisons in Lvov Oblast; 2 000 people in Stanislav; 1 600 people in Lutsk. The prisoners of the territorial prison unit in Chertkov were treated very cruelly: they were shot after they boarded special trains ready for evacuation. A similar case occurred on July 4–5, 1941 on the railway bridge over the Dniester River near the town of Zaleshchiki, where several thousand evacuated convicts from Ternopol accumulated in the first days of the war. Most of them were shot and their bodies were loaded into trains and then thrown into the

²⁶ Lukanin, "Features of the evacuation of prisons during the Great Patriotic War," 147.

²⁷ S.I. Linets, *North Caucasus on the eve and during the Nazi occupation: state and features of development (July 1942 – October 1943)* [in Russian] (Pyatigorsk: PGLU, 2009), 63.

²⁸ K.P. Gurskii, "On the Roads of the GULAG: Memoirs". Memorial. F. 2, op. 3, d. 18, l. 120. Arkhiv istorii GULAGa.

river.²⁹ In addition, shooting of prisoners took place in the frontline zone in the instances when it was not possible to evacuate them. These instances of shooting were subsequently actively used in German propaganda as proof of the “aggression of Bolshevism” and “red terror against the population.”

Despite the “expenditures” of the process, a significant part of the prisoners was evacuated to the deep rear. According to the data contained in the report of the head of the Gulag of the NKVD of the USSR V. Nasedkin “On the Work of the Gulag during the War Years (1941–1944)” submitted to the People’s Commissar of Internal Affairs L. Beria on August 17, 1944, “27 corrective labor camps and 210 colonies with a total of 750 thousand prisoners were evacuated during the war years.”³⁰ The data on the number of evacuated prisoners cited above raise doubts of their reliability, since much fewer prisoners were delivered to the places of new dislocations, among other things, because evacuation in the border territories was extremely difficult due to the rapid advance of enemy troops. At the same time, evacuation was carried out in a more organized manner in the regions that were farther from the front.

It is worth noting that special contingent was paid special attention during the evacuation only on June 28, 1941 in the NKVD circular no. 30/6549/02 “On the Evacuation of the NKVD Camps,” which contained information that the evacuation of “camp prisoners and all camp property, transport, and food supplies was carried out according to the plan developed by the head of the Gulag of the NKVD of the USSR.” The circular also stipulated that evacuation of the NKVD camps should be conducted “only on the personal instructions of the People’s Commissar” and in all instances it was necessary to “avoid long routes for the transfer of property and people and excessive use of railways or water transport.”³¹

The plan developed by the Evacuation Council stipulated the relocation of the prisoners within the framework of general evacuation processes using the released resources including special trains for the transfer of convicts from Ukraine and Belarus. The Baltic republics and the Moldavian SSR were not included in this plan because they had already been occupied by the enemy by that time. Taking into account the advance of fascist units, the evacuation of camps and colonies located in the western regions of the RSFSR began only in August.

Due to the rapid advance of the Wehrmacht troops in the territory of the western regions of the USSR and the lack of prepared evacuation plans, it was not possible to avoid chaos, spontaneous flight, and manifestations of panic even during the

²⁹ A.Yu. Zhukov, comp., *Gulag in Ukraine. Collection of documents and materials. 1930–1941* [in Russian] (Kiev: Zhizn', 2010), 300.

³⁰ Kokurin and Petrov, *GULAG: Chief Administration of Camps*, 272–96.

³¹ N.V. Petrov and N.I. Vladimirtsev, comps., *History of Stalin’s Gulag. The late 1920s – the first half of the 1950s: a collection of documents* [in Russian], vol. 2, *The punitive system: structure and personnel* (Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 2004), 209.

evacuation of the civilian population. Organization of the evacuation of prisoners was complicated by additional difficulties: it was necessary to guard them and to allocate specially equipped transport and a sufficient number of escort staff, which was difficult under the conditions of total shortage of material and human resources.

The main share of evacuation flows, both in material and in human equivalent, was moved by rail transport. The negative factors that limited the volume of rail transportation manifested themselves in full very quickly: the unfinished modernization of railway transport at the beginning of the war, shortage of rolling stock (some cars were idle at stations waiting for unloading, some remained in the territories captured by the enemy, some were in a faulty condition), the destruction of railway tracks by enemy bombings, huge human flows (those mobilized to the front moved to the west while industrial equipment, cultural values, evacuees, trains with the wounded moved to the east).³²

In these conditions, motor vehicles were used for evacuation if they were available, and it was decided to send some prisoners in columns on foot, which caused new complications, since it was more difficult to provide escort, food, and overnight accommodation for pedestrians compared to those transported in closed railway wagons. In addition, thousands of walking people prevented the movement of military cargo and army columns:

In Ukraine, the columns consisted of about 40 thousand prisoners; up to 20 thousand moved on foot from western Belarus. Columns of prisoners filled motorways, hindering the movement of military units and the evacuated population.³³

The evacuation of the Donlag can be cited as an example of this evacuation method. During the transfer of 9 540 prisoners from Voroshilovgrad, a rumor started to circulate among the prisoners that they were led to execution, which caused panic, and about 200 prisoners were shot. The column stretched for several kilometers, a German air raid began, after which the NKVD employees decided to shoot the entire evacuated special contingent. Thus the main road from Kharkov to Voroshilovgrad was blocked, and infantry formations, self-propelled guns, and tanks moving several

³² M.N. Potemkina, "The road to evacuation: an experience of reconstruction of railway transportation of the population in the conditions of the Great Patriotic War" [in Russian], *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 4 (34) (2015): 107–18.

³³ Khristoforov, *State security organs of the USSR*, 362.

hundred kilometers north from Kharkov stopped, which allowed German aviation to destroy a column of armored vehicles.³⁴

Considering the issue of capital punishment for prisoners, it is necessary to mention the responsibility of the NKVD officers for unauthorized executions. Only in the second half of 1941, 19 NKVD workers, including those in the Byelorussian SSR, were sent to a military tribunal for unauthorized executions of convicts on the eve or during the evacuation. In particular, deputy head of prison A. Taber and assistant operative V. Mokhov were sentenced to death for the liquidation of 714 prisoners in Glubokoe.³⁵

In most cases, such tragic consequences were avoided, but panic and confusion among the leadership of the evacuated penitentiary institutions were present. As follows from the reports to the head of the NKVD escort troops of the USSR on the evacuation of Voronezh prisons, the prison administration got confused as a result of serious bombings and did not prepare prisoners for evacuation either documentarily or in terms of supplies. Also,

the head of the prison and his assistants were not in the grounds when the escort arrived, the supervisory staff and secondary persons from the prison administration opened the cells and gates of the prison, released all prisoners to the escort and no transfer and reception was actually made.³⁶

Of course, in such conditions it is hardly possible to talk about the success of evacuation.

An important role in recreating the atmosphere of the evacuation of prisoners is played by the sources of personal origin. Despite their subjectivity, they make it possible to reconstruct the atmosphere of the evacuation and to understand its features. In the memoirs of T. Pechenyuk mentioned above, the process of relocation from the corrective labor camps in the territory of Belarus is described quite casually: an evacuation order – the arrival of trucks – the announcement of boarding. However, the author complains that the camp authorities did not allow “to take anything, even bread rations” and that the conditions of transportation were difficult: 60 people were

³⁴ A.N. Dugin, “The archives speak: the unknown pages of the Gulag” [in Russian], *Sotsial'no-politicheskie nauki*, no. 7 (1990): 74–79.

³⁵ L.T. Kevlyak, “Evacuation of the population and material resources of the Byelorussian SSR at the beginning of the Great Patriotic War (some historical and legal problems)” [in Russian], *Vesnik Grodzenskaga dzyarzhavnaga universiteta imya Yanki Kupaly. Seryya 4. Pravaznaŭstva*, vol. 8, no. 1 (2018): 15.

³⁶ K.L. Kotyukov, “...The escort of prisoners took place in conditions of immediate danger from the air ...’: reports of the head of the 14th division of the NKVD escort troops on the evacuation of prisoners and prisoners of war from the front line in 1941–1942” [in Russian], *Russian Colonial Studies*, no. 4 (2019): 184.

loaded into each truck body, people could stand only with their arms around each other (“it was a live compressed crowd”), and “the motorway was very overloaded” and was a convenient target for bombing.³⁷

The evacuation of prisons presented a different picture. N. Ber, a participant in the evacuation of prisoners in July 1941 from the Moscow prisons recalled:

Early in the morning, probably at four o'clock, we were woken up and taken to the prison yard in small groups with bundles in our hands. Everyone understood that it meant transfer but no one knew where to. Then there was a boarding in prison wagons (*voronoks*), a long way of the column through the streets of the capital, an arrival to the railway and an exit with the command “lie down on the ground.”

Then the loading into the railcars began:

Six people at a time were crawling through the living corridor of military escort with machine guns and dogs we were driven to the Stolypin car and let into it. It was a passenger car with a four-seat compartment. In each compartment, boards were laid in two tiers, and instead of wooden doors there was a solid metal grating, which had the same latticed door. Walking back and forth was in the corridor of the car, the escort saw everything that was happening in the compartment.³⁸

No less difficult was the “pedestrian” evacuation described by the political prisoner M. Steinberg, who was arrested in 1941 for the second time. Describing the evacuation from the Kirovograd prison, the female prisoner complained about terrible heat (it was August 1941), dust, and inability to breathe. Such conditions led to the fact that M. Steinberg threw away the bundle with things after 30 kilometers of walking:

I didn't leave anything for myself, not a thread. I realized that I wouldn't be able to bring anything to the destination. The majority of women did the same. But those who did not throw their bundles after the first 30 km, threw them after 130 km. No one brought anything to the destination.³⁹

³⁷ “Pechenyuk Timofei Andreevich. Vospominaniya” [Pechenyuk, Timofei Andreevich. Memoirs]. Memorial. F. 2, op. 1, d. 96, l. 48. Arkhiv istorii GULAGa.

³⁸ “Ber Nisanin Moiseevich. Vospominaniya. Arest i sledstvie” [Ber Nisanin Moiseevich. Memoirs. Arrest and investigation]. Memorial. F. 2, op. 1, d. 22, l. 13. Arkhiv istorii GULAGa.

³⁹ A. Applebaum, *GULAG* [in Russian], trans. L. Motylev (Moscow: AST: CORPUS, 2015), 424.

It should be noted that unlike prisoners, the civilian population for the most part had to make their own decision about evacuation. An exception to that included employees of industrial enterprises and a number of other categories of the population, who often managed to take their families with them. Many of them were able to take some money, valuables, food, clothing and shoes with them, although the volume of cargo was limited. Information about the destination was not always included even in the evacuation certificates that were issued to most civilian evacuees (sometimes in the column “destination” of the travel documents it was written “inland”).

On the way to their destination, the prisoners experienced numerous difficulties and suffered hardships. Bombing railways and motorways by Germany was one of the most obvious difficulties of evacuation. According to the official statistics, enemy air force made about 20 thousand raids on railways, dropping 243 thousand high-explosive and 120 thousand incendiary bombs.⁴⁰

Almost all prisoners recalled their horror during the bombings, which was primarily caused by the impossibility of free movement during the raid. The train stopped, the escort scattered in search of shelter, and the prisoners could not leave their cars and remained in place. The psychological state of people in a situation of stress is vividly reflected in the memoirs of N. Ber:

a feeling of terrible fear from helplessness and inability to act. It was not fear of death but fear of useless death. And suddenly several people kneeled down and began to pray. They prayed diligently, crossing themselves and bowing. Continuously whispered some of the same words, in which the word “Lord” was heard more often than others... Someone on the upper bunks of our compartment began to laugh hysterically loudly, others began to knock on the walls of the compartment with their hands and feet. . . screams, groans, cries for help were heard in the car.⁴¹

The actions of people in extreme conditions (a fire at the railway station of Veshnyaki as a result of an enemy air raid during evacuation) were also recalled by T. Pechenyuk:

Fire was burning only ten meters from our train and along the train in parallel with the cars. What shall we do, we will burn alive, people were crying. But there

⁴⁰ M.M. Kozlov, ed., *The Great Patriotic War 1941–1945: encyclopedia* [in Russian] (Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1985), 268.

⁴¹ “Ber Nisanin Moiseevich. Vospominaniya. Arest i sledstvie” [Ber Nisanin Moiseevich. Memoirs. Arrest and investigation]. Memorial. F. 2, op. 1, d. 22, l. 16. Arkhiv istorii GULAGa.

was no one, the guards fled; the railway workers were not seen through our window either.

The prisoners tried to tear off the roof of the car resting their feet on it or to break the wall with boards torn off from the bunks, but nothing happened.

The situation was hopeless; they began to say goodbye. But firefighters arrived, began to extinguish fire and water the cars. Soon a locomotive picked up our train and pulled it away from the site of the fire. Everyone calmed down.⁴²

Life “on wheels” usually lasted from several days to several weeks. The speed of the special trains was extremely low: officially it was determined as 500–600 km per day but in reality the speed of 180 to 200 km per day was recorded in the documents dated November 1941.⁴³

The issue of satisfying the vital needs of a person, in particular in food and water, became important. Employees who were evacuated with their enterprises or institutions were to receive a food ration before leaving and hot meals at transit evacuation points in return for travel cards on the way. Although in reality this regulation was not always followed and there were often difficulties with food, the people who were moving freely had an opportunity to engage in self-sufficiency, exchanging things for food, gathering “pasture forage” in the fields, and simply stealing from thriftier fellow travelers. For instance, a worker of the Kirov plant recalled that the evacuation route from Leningrad to Chelyabinsk took 29 days, “soon the food ran out and when the train was not moving, they scattered in search of food, sometimes 5–7 kilometers from the railway”.⁴⁴

Prisoners who did not have freedom of movement were deprived of these opportunities. Therefore, the solution of the food problem during their evacuation can be described as casual (that is, as luck would have it). For instance, T. Pechenyuk recalled the following:

We stopped for the night in the territory of some camp where there were no more people. We found sprouted potatoes and salted fish in the vegetable shed and ate

⁴² “Pechenyuk Timofei Andreevich. Vospominaniya” [Pechenyuk, Timofei Andreevich. Memoirs]. Memorial. F. 2, op. 1, d. 96, l. 50. Arkhiv istorii GULAGa.

⁴³ M.N. Potemkina, “*Plucked out*”: *personal perception of evacuation during the Great Patriotic War* [in Russian] (Magnitogorsk: Izdatel'stvo Magnitogorskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. G.I. Nosova, 2016), 45.

⁴⁴ V. Gusev, “How the Kirov Plant workers made tanks in Chelyabinsk” [in Russian], *Znanya*, no. 8 (1974): 141–42.

them. When we were travelling in railcars, there was no food supply. It was terribly hot and we were thirsty, but they didn't give us water either.⁴⁵

In some cases, representatives of the security guards could also take the initiative in finding food. For example, when 2 244 walking prisoners were escorted from Voronezh to Tambov, serious difficulties arose with providing prisoners with food due to the negligence of the prison administration. This caused many deaths of starvation among the escorted and led to the actual paralysis of the movement of the column. Comrade Zeltser, military commissar of the regiment, had to leave for Tambov and through the NKVD got 5 tons of bread and 500 kilograms of fish, which solved the problem.⁴⁶ It can be stated that in the extreme conditions of war, with the increase of general confusion, a different social reality was formed, in which the result depended on a subjective factor, on active actions of the transfer commanders in this case.

Among the factors that complicated the evacuation of prisoners, it is necessary to mention disease, infections, frostbite and the resulting deaths en route. Unfortunately, researchers do not have complete statistical data on the losses in transit to the rear. If we talk about the process of adaptation to a new place, in this respect the prisoners “had an advantage” over the civilian population. Many difficulties in the adaptation of evacuees were usually determined by their age, nationality, profession, social status, moving to the city or rural area, having relatives in another region, i.e. getting into a different environment to which it was necessary to adapt, especially in psychological sense. At the same time, the prisoners only changed one camp for another, where there could be different conditions of accommodation and types of work. Camp hierarchy and the status of high-security facility did not change; a convict preserved their social status while a free person could get lower in the social hierarchy because of the relocation.⁴⁷

If we talk about the statistical results of the evacuation of prisoners, it is almost impossible to name the total number of the evacuated special contingent, since the removal was carried out from different institutions with different subordination. The most accurate data are available for prisons: as of January 22, 1942, more than 140 thousand prisoners from 272 prisons were evacuated in total. More than 20 thousand people could not be taken out from the territory occupied by the enemy;

⁴⁵ “Pechenyuk Timofei Andreevich. Vospominaniya” [Pechenyuk, Timofei Andreevich. Memoirs]. Memorial. F. 2, op. 1, d. 96, l. 49. Arkhiv istorii GULAGa.

⁴⁶ Kotyukov, ““...The escort of prisoners took place in conditions of immediate danger from the air ...’,” 185.

⁴⁷ A.G. Amalieva and N.A. Mukhinova, ““We are ready to forget and forgive everything in the face of nationwide misfortune’: The Great Patriotic War in the memories of the Volga prisoners of the GULAG” [in Russian], *Nauka i sovremennost'*, no. 1–1 (2010): 110–14.

almost 7.5 thousand were released during the evacuation; more than 800 escaped during the bombings en route; more than 250 people fled from the escort. In addition, 23 prisoners were killed on the way during bombings; 59 were killed on the way during an escape attempt; 346 were “released by gang raids”; 9 817 were shot in prisons; 674 were shot by the escort on the way while suppressing a riot; 769 were “illegally shot by the escort on the way”; 1 057 prisoners died on the way. In total, more than 42.5 thousand prisoners left during the evacuation for various reasons.⁴⁸ These data allow us to conclude that almost two thirds of prisoners were preserved. However, some scholars consider the figure of 70% of successfully evacuated to be overstated and untrue, believing that the range of 45–50% is more realistic.⁴⁹

The lowest losses among the prisoners during evacuation were in the territory of the RSFSR. Since the western part of the RSFSR was considered as deep rear, there was more time to organize evacuation processes, which is why the decision-making was less chaotic and evacuation was more comprehensive. In general, the material reviewed confirms the thesis of A. Kuz'minykh that

during the Great Patriotic War, the prison system was significantly influenced by the extreme factors of wartime, which made the situation of prisoners especially difficult and often dramatic.⁵⁰

Conclusion

Measures to evacuate prisoners in the initial period of the Great Patriotic War became part of the general relocation of material assets and human resources to the Soviet rear. The objectives of the evacuation measures in relation to the contingent of prisoners were to ensure state security and to preserve labor force for the wartime economy.

In the absence of pre-developed evacuation plans, rapid advance of enemy troops, lack of transport and other resources, it was not possible to move the entire contingent of prisoners from the western regions of the USSR. To solve this problem, diametrically opposite measures were taken: release from custody of some prisoners and those under investigation as well as physical liquidation of those who were considered dangerous special criminals by the country's leadership.

Additional difficulties in organizing the evacuation of prisoners were connected with the need to guard them en route and provide food, transport and maintenance, which was the duty of the escort. Inability to make independent decisions and lack of

⁴⁸ N.V. Petrov, *History of the Gulag Empire* [in Russian], chapter 9, accessed October 6, 2021, <http://www.pseudology.org/GULAG/Glava09.htm>

⁴⁹ Kokurin and Petrov, *GULAG: Chief Administration of Camps*, 208.

⁵⁰ A.L. Kuz'minykh, “Prisons of Vologda Oblast in wartime conditions (1941–1945)” [in Russian], *Istoriko-pedagogicheskie chteniya*, no. 24 (2020): 121.

freedom of movement during the bombings led to severe psychological trauma for many prisoners.

The main causes of losses among prisoners during evacuation were bombings, exhaustion, and unauthorized executions. Evacuation from the territory of Belarus and Western Ukraine was most difficult; more time was allocated for the organization of evacuation processes from the regions of the RSFSR and Eastern Ukraine, which led to less chaotic decision-making and more rational organization of the process.

While for civilian population in most cases evacuation meant worsening of their financial situation and a lower place in the social hierarchy, prisoners, who were deprived of the right to choose in principle, only changed one camp to another, maintaining the same social status. Their living and working conditions could change for the worse, depending, among other things, on the place of dislocation and the kind of production and economic activities of the penitentiary institution.

Список литературы

Амалиева А.Г., Мухинова Н.А. «Мы готовы все забыть и простить перед лицом всенародного несчастья»: Великая Отечественная война в воспоминаниях поволжских узников ГУЛАГа // Наука и современность. 2010. № 1–1. С. 110–114.

Белых Н.Ю. ГУЛАГ как система подневольного труда (на материалах Вятского ИТЛ НКВД-МВД СССР, 1938–1953 гг.) // Вестник Вятского государственного университета. 2010. № 3 (1). С. 46–51.

Биесов А.Г. Фундаментальные ценности в структуре менталитета узников ГУЛАГА // Альманах современной науки и образования. 2016. № 4 (106). С. 18–20.

Дугин А.Н. Говорят архивы: Неизвестные страницы ГУЛАГа // Социально-политические науки. 1990. № 7. С. 74–79.

Земсков В.Н. Демография заключенных, спецпоселенцев и ссыльных (30-е – 50-е годы) // Мир России. 1999. Т. 8, № 4. С. 114–124.

Земсков В.Н. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 151–165.

Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. Москва: Наука, 2006. 438 с.

Кевляк Л.Т. Эвакуация населения и материальных ресурсов Белорусской ССР в начале Великой Отечественной войны (некоторые историко-правовые проблемы) // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 4: Правазнаўства. 2018. Т. 8, № 1. С. 15–23.

Котюков К.Л. «...Конвоирование заключенных проходило в условиях непосредственной опасности с воздуха...»: донесения начальника 14 дивизии конвойных войск НКВД об эвакуации заключенных и военнопленных из прифронтовой полосы в 1941–1942 гг. // Russian Colonial Studies. 2019. № 4. С. 177–192.

Куанышева В.В. Строительство аэродромов НКВД в Куйбышевской области накануне и в годы Великой Отечественной войны // Евразийский юридический журнал. 2017. № 4 (107). С. 120–122.

Кузьминых А.Л. Война и ГУЛАГ // История в подробностях. 2010. № 1. С. 65–79.

Кузьминых А.Л. Тюрмы Вологодской области в условиях военного времени (1941–1945 гг.) // Историко-педагогические чтения. 2020. № 24. С. 117–121.

Куртуа С. и др. Черная книга коммунизма. Преступления. Террор. Репрессии / перевод с французского Е.Л. Храмова и др. Москва: Три века истории, 2001. 780 с.

Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.). Пятигорск: ПГЛУ, 2009. 492 с.

Луканин В.В. Особенности эвакуации тюрем в годы Великой Отечественной войны // Аграрное и земельное право. 2021. № 12 (204). С. 146–148.

Петров Н.В. История империи «Гулаг». Глава 9. URL: <http://www.pseudology.org/GULAG/Glava09.htm> (дата обращения: 06.10.2021).

Потемкина М.Н. «Выковыренные»: личностное восприятие эвакуации в годы Великой Отечественной войны. Магнитогорск: Издательство Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, 2016. 151 с.

Потемкина М.Н. Дорога в эвакуацию: опыт реконструкции железнодорожных перевозок населения в условиях Великой Отечественной войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. № 4 (34). С. 107–118.

Суржик Д.В. Роль ГУЛАГА в годы Великой Отечественной войны: к истории одного стереотипа // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2016. № 6. С. 33–39.

Суслов М.Г. Патриотизм за колючей проволокой или как заключенные относились к проблемам государства в условиях Великой Отечественной войны // Успехи современной науки. 2016. Т. 9, № 12. С. 175–178.

Христофоров В.С. Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. Москва: Издательство Главного архивного управления г. Москвы, 2011. 432 с.

Эпплбаум Э. ГУЛАГ / перевод с английского Л. Мотылева. Москва: АСТ: CORPUS, 2015. 688 с.

Бабич Є.К., Патока В.В. Репресії в Україні (1917–1990 рр.). Науково-допоміжний бібліографічний покажчик. Київ: Смолоскип, 2007. 519 с.

Білас І.Г. Репресивно-каральна система в Україні 1917–1953: суспільно-політичний та історико-правовий аналіз: у 2 кн. Київ: Либідь-Військо України, 1994.

The historiography of the holocaust / edited by D. Stone. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2004. 573 p.

References

Amalieva, A.G., and N.A. Mukhinova. “‘My gotovy vse zabyt' i prostit' pered litsom vsenarodnogo neschast'ya’: Velikaya Otechestvennaya voina v vospominaniyakh povolzhskikh uznikov GULAGa” [‘We are ready to forget and forgive everything in the face of nationwide misfortune’: The Great Patriotic War in the memories of the Volga prisoners of the GULAG]. *Nauka i sovremennost'*, no. 1–1 (2010): 110–14. (In Russian)

Applebaum, A. *GULAG*. Translated from English by L. Motylev. Moscow: AST: CORPUS, 2015. (In Russian)

Babych, Ye.K., and V.V. Patoka. *Represiyyi v Ukrayini (1917–1990 rr.): naukovo-dopomizhnyi bibliografichnyi pokazhchyk* [Repression in Ukraine (1917–1990): Scientific auxiliary bibliographic index]. Kiev: Smoloskyp, 2007. (In Ukrainian)

Belykh, N.Yu. “GULAG kak sistema podnevol'nogo truda (na materialakh Vyatskogo ITL NKVD-MVD SSSR, 1938–1953 gg.)” [The Gulag as a system of forced labor (based on the materials of the Vyatka ITL of the NKVD-MVD of the USSR, 1938–1953)]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (1) (2010): 46–51. (In Russian)

Biesov, A.G. “Fundamental'nye tsennosti v strukture mentaliteta uznikov GULAGA” [Fundamental values in the structure of the GULAG prisoners' mentality]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya*, no. 4 (106) (2016): 18–20. (In Russian)

Bilas, I.G. *Represyivno-karal'na systema v Ukrayni 1917–1953: suspil'no-politychnyi ta istoryko-pravovyi analiz* [Repressive-punitive system in Ukraine: 1917–1953: socio-political and historico-legal analysis]. 2 bks. Kiev: Lybid'-Viis'ko Ukrayini, 1994. (In Ukrainian)

Courtois, S. et al. *Chernaya kniga kommunizma. Prestupleniya. Terror. Repressii* [The Black Book of Communism. Crimes. Terror. Repression]. Translated from French by E.L. Khramov et al. Moscow: Tri veka istorii, 2001. (In Russian)

Dugin, A.N. “Govoryat arkhivy: Neizvestnye stranitsy GULAGA” [The archives speak: The unknown pages of the Gulag]. *Sotsial'no-politicheskie nauki*, no. 7 (1990): 74–79. (In Russian)

Ivanova, G.M. *Istoriya GULAGA, 1918–1958: sotsial'no-ekonomicheskii i politiko-pravovoi aspekty* [History of the Gulag, 1918–1958: socio-economic and politico-legal aspects]. Moscow: Nauka, 2006. (In Russian)

Kevlyak, L.T. “Evakuatsiya naseleniya i material'nykh resursov Belorusskoi SSR v nachale Velikoi Otechestvennoi voiny (nekotorye istoriko-pravovye problemy)” [Evacuation of the population and material resources of the Byelorussian SSR at the beginning of the Great Patriotic War (some historical and legal problems)]. *Vestnik Grodzenskaga dzyarzhavnaga universiteta imya Yanki Kupaly. Seryya 4. Pravaznaya*, vol. 8, no. 1 (2018), 15–23. (In Russian)

Khristoforov, V.S. *Organy gosbezopasnosti SSSR v 1941–1945 gg.* [State security organs of the USSR in 1941–1945]. Moscow: Izdatel'stvo Glavnogo arkhivnogo upravleniya g. Moskvy, 2011. (In Russian)

Kotyukov, K.L. “...Konvoirovanie zaklyuchennykh prokhodilo v usloviyakh neposredstvennoi opasnosti s vozdukh...’: doneseniya nachal'nika 14 divizii konvoinykh voisk NKVD ob evakuatsii zaklyuchennykh i voennoplennykh iz prifrontovoi polosy v 1941–1942 gg.” [‘...The escort of prisoners took place in conditions of immediate danger from the air ...’: reports of the head of the 14th division of the NKVD escort troops on the evacuation of prisoners and prisoners of war from the front line in 1941–1942]. *Russian Colonial Studies*, no. 4 (2019): 177–92. (In Russian)

Kuanysheva, V.V. “Stroitel'stvo aerodromov NKVD v Kuibyshevskoi oblasti nakanune i v gody Velikoi Otechestvennoi voiny” [Construction of airfields of the NKVD in Kuibyshev Oblast before and during the Great Patriotic War]. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal*. Kuanysheva, no. 4 (107) (2017): 120–22. (In Russian)

Kuz'minykh, A.L. “Tyur'my Vologodskoi oblasti v usloviyakh voennogo vremeni (1941–1945 gg.)” [Prisons of Vologda Oblast in wartime conditions (1941–1945)]. *Istoriko-pedagogicheskie chteniya*, no. 24 (2020): 117–21. (In Russian)

Kuz'minykh, A.L. “Voyna i GULAG” [The war and the Gulag]. *Istoriya v podrobnostyakh*, no. 1 (2010): 65–79. (In Russian)

Linets, S.I. *Severnyi Kavkaz nakanune i v period nemetsko-fashistskoi okkupatsii: sostoyanie i osobennosti razvitiya (iyul' 1942 – oktyabr' 1943 gg.)* [North Caucasus on the eve and during the Nazi occupation: state and features of development (July 1942 – October 1943)]. Pyatigorsk: PGLU, 2009. (In Russian)

Lukanin, V.V. “Osobennosti evakuatsii tyurem v gody Velikoi Otechestvennoi voiny” [Features of prisons evacuation during the Great Patriotic War]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo*, no. 12 (204) (2021): 146–48. (In Russian)

Petrov, N.V. *Istoriya imperii “Gulag”* [History of the Gulag empire]. Chapter 9. Accessed October 6, 2021. <http://www.pseudology.org/GULAG/Glava09.htm> (In Russian)

Potemkina, M.N. ‘Vykovyrennye’: *lichnostnoe vospriyatie evakuatsii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [“Plucked out”: personal perception of evacuation during the Great Patriotic War]. Magnitogorsk: Izdatel'stvo Magnitogorskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. G.I. Nosova, 2016. (In Russian)

Potemkina, M.N. “Doroga v evakuatsiyu: opyt rekonstruktsii zheleznodorozhnykh perevozok naseleniya v usloviyakh Velikoi Otechestvennoi voiny” [The road to evacuation: an experience of reconstruction of railway transportation of the population in the conditions of the Great Patriotic War]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 4 (34) (2015): 107–18. (In Russian)

Stone D. ed., *The historiography of the Holocaust*. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2004.

Surzhik, D.V. “Ro' GULAGA v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: k istorii odnogo stereotipa” [The role of the Gulag during the Great Patriotic War: on the history of one stereotype]. “*Belye pyatna*” *rossiiskoi i mirovoi istorii*, no. 6 (2016): 33–39. (In Russian)

Suslov, M.G. “Patriotizm za kolyuchej provolokoi ili kak zaklyuchennye odnosilis' k problemam gosudarstva v usloviyakh Velikoi Otechestvennoi voiny” [Patriotism behind barbed wire or how prisoners treated the problems of the state in the conditions of the Great Patriotic War]. *Uspekhi sovremennoi nauki*, vol. 9, no. 12 (2016): 175–78. (In Russian)

Zemskov, V.N. “Demografiya zaklyuchennykh, spetsposelentsev i ssyl'nykh (30-e – 50-e gody)” [Demography of prisoners, special settlers, and exiles (the 1930s – 1950s)]. *Mir Rossii*, vol. 8, no. 4 (1999): 114–24. (In Russian)

Zemskov, V.N. “Zaklyuchennye, spetsposelentsy, ssyl'nposelentsy, ssyl'nye i vyslannye (Statistiko-geograficheskii aspekt)” [Prisoners, special settlers, exiled settlers, exiles, and deportees (Statistical and geographical aspect)]. *Istoriya SSSR*, no. 5 (1991): 151–65. (In Russian)

Информация об авторах

Марина Николаевна Потемкина – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, <https://orcid.org/0000-0001-7056-1258>, mpotemkina@mail.ru, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова (д. 38, пр-т Ленина, 455000 г. Магнитогорск, Россия); ведущий научный сотрудник, Лаборатория центра истории военной экономики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (д. 82, пр-т Вернадского 119571 г. Москва, Россия).

Илья Олегович Колдомасов – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, <https://orcid.org/0000-0002-1663-2403>, koldomasov@inbox.ru, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова (д. 38, пр-т Ленина, 455000 г. Магнитогорск, Россия).

Information about the authors

Marina N. Potemkina – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of World History, <https://orcid.org/0000-0001-7056-1258>, mpotemkina@mail.ru, Nosov Magnitogorsk State Technical University (38, pr. Lenina, Magnitogorsk, 455000, Russia); Leading Researcher, Laboratory of the Center for the History Military Economy of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, pr. Vernadskogo, Moscow, 119571, Russia).

И'ya O. Koldomasov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World History, <https://orcid.org/0000-0002-1663-2403>, koldomasov@inbox.ru, Nosov Magnitogorsk State Technical University (38, pr. Lenina, Magnitogorsk, 455000, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Author Contributions Statement: all authors made an equivalent contribution to the preparation of this publication. The authors declare no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 17.08.2022; одобрена после рецензирования 19.09.2022; принята к публикации 27.09.2022.

The article was submitted 17.08.2022; approved after reviewing 19.09.2022; accepted for publication 27.09.2022.